

В комнате царила настолько неловкая тишина, что Нин Си готов был сквозь землю провалиться.

Сун Ицзэ стоял у дверей, засунув руки в карманы. И хотя густой, сдержанно-свежий аромат черного дерева он сдерживал из последних сил, в его светлых глазах застыл ледяной упрек.

Нин Си поспешно свернул окно с видеолекцией по высшей математике и, с запинкой глядя на Сун Ицзэ, выдавил:

— Я... на самом деле я хожу во сне.

Сун Ицзэ: «...»

Нин Си: «...»

Заметив, как лицо Сун Ицзэ потемнело ещё сильнее, Нин Си перепугался до смерти. Он тут же подскочил к нему, вцепился в его ладонь и запричитал:

— Ицзэ, я виноват, правда! Я не специально, я давным-давно хотел...

Выражение лица Сун Ицзэ ничуть не смягчилось. Он хотел услышать объяснения, но в то же время ему больно было их слушать, поэтому он просто отвернулся.

Нин Си попытался заглянуть ему в лицо, но тот снова отвернулся.

— Ицзэ... — протянул Нин Си, канюча и подёргивая его за рукав.

Никакой реакции.

— Ну милый, — он прижался к нему и пробормотал совсем ласково: — Не сердись, а?

Сун Ицзэ продолжал хранить молчание.

Отчаявшись, Нин Си обвивает руками его шею, касаясь губами ушной раковины:

— Братец...~

Сун Ицзэ едва заметно вздрогнул. Его уши мгновенно вспыхнули пунцовым, зрачки расширились, и он резко повернул голову к Нин Си.

Заметив, что это сработало, Нин Си чуть прищурился, изогнул губы в лукавой, небрежной ухмылке — его глаза, и без того обаятельные, засияли соблазнительным огоньком. Прильнув к самому уху Ицзэ, он прошептал:

— Муж...~

Урон оказался сокрушительным. Сун Ицзэ буквально застыл на месте.

Поняв, что появился шанс разговорить его, Нин Си подался ещё ближе, касаясь кончиком носа его носа. Расстояние сократилось до предела, дыхание обожгло кожу:

— Муж, я виноват... Ну обрати на меня внимание, а?

Но Сун Ицзэ почему-то опять оцепенел.

Нин Си недоуменно нахмурился:

— Ну же, милый...

И тут он заметил Ху Янцая, который стоял в дверях с чайником в руках и с живейшим интересом наблюдал за этой картиной.

«Черт...» — обожгла мысль.

Нин Си мгновенно отпрянул от Сун Ицзэ, вспыхнув до корней волос.

Ху Янцай поспешно прикрыл дверь со словами:

— Вы продолжайте, я снаружи подожду.

Глядя на закрывшуюся дверь, а затем на застывшего перед ним Сун Ицзэ, Нин Си тяжело вздохнул и тихо выговорил:

— Прости.

Он хотел объяснить всё, но абсолютно не знал, с чего начать:

— Я правда... Понимаю, это звучит глупо и дико, но я не хотел тебя обманывать. У меня есть причины... просто я не знаю, как их объяснить...

В комнате снова воцарилась гнетущая тишина. В сумерках светила только настольная лампа, и это молчание становилось пугающим.

— Нин Си, мне не нужны твои извинения, — ровным, безэмоциональным голосом произнес Сун Ицзэ, будто тихий ветер пролетел над застывшей гладью воды. — Я просто чувствую себя дураком. Будто мной с самого начала крутили как хотели. Я ведь ужасно переживал за тебя — за твои оценки, за твоё здоровье. Мечтал, чтобы ты подтянулся, поступил в нормальный университет... Часами сидел над конспектами, разжевывал тебе каждую тему простыми словами. А оказывается, ты и сам отлично со всем справляешься. Ты даже... даже высшую математику уже разбираешь! Тебе не нужны мои тетради. И моя помощь не нужна.

Он изо всех сил пытался построить их общее будущее, отдавал всё, что мог, защищал... А в итоге выяснилось, что Нин Си в этом ни капли не нуждался. Он мог всё сам, но притворялся беспомощным. В такой ситуации Сун Ицзэ действительно ощущал себя полнейшим идиотом.

— Ты говоришь, что хочешь всё объяснить, но не можешь. Вот только сейчас ты не сможешь просто подлизаться или свести всё в шутку.

«Ты спокойно укладываешь толпу Альф на лопатки, а рядом со мной корчишь из себя неженку. Ты щелкаешь высшую математику как орешки, но намеренно получаешь паршивые баллы. Что всё это значит? Зачем тебе эта маска? С какой целью ты вообще ко мне подступился?»

Сун Ицзэ старался говорить сдержанно, но хрипота в его обычно холодном голосе выдавала боль с головой:

— Мне кажется... всё это фальшь.

Нин Си замер, не в силах вымолвить ни слова.

В глазах Сун Ицзэ мелькнула редкая, глубокая печаль. Мысли в его голове путались, а голос прозвучал с детской, затаенной обидой:

— Нин Си... А ты вообще меня любишь?

Тишина стала звенящей. Нин Си казалось, что он оглох.

Эти слова огненным клеймом отпечатались в сознании, парализуя нервы и выбивая почву из-под ног.

«Нет... Нет! Я правда люблю тебя! Но...»

— Ицзэ... — Нин Си сделал шаг вперед, потянувшись к его руке, но так и не решился

коснуться.

Он правда не знал, что сказать.

Ведь в самом начале он действительно подошел к нему с умыслом. Он действительно хотел его использовать.

Но какой нормальный человек поверит в историю о попадании в роман и необходимости держаться за главного героя? Кроме этого абсурда, никаких иных оправданий у него не было.

Взгляд Сун Ицзэ окончательно потускнел. Он давал ему шанс. Он дал ему время.

Но Нин Си просто молчал.

Сун Ицзэ почувствовал себя ничтожным. Настоящим обманутым дураком.

В этот момент в его кармане завибрировал телефон.

Он достал его и прочитал сообщение от Чжан Циана:

[Чжан Циан: Бог Цзэ, вы там долго ещё? Хватит нежностей, надзиратель идет с проверкой!]

[Чжан Циан: Спускайся скорее, я на стрёме. Успеешь вернуться!]

— Забудь, — сухо бросил Сун Ицзэ. В его голосе больше не осталось эмоций. — Я уйду.

Он повернулся и распахнул дверь. Снаружи всё так же стоял Ху Янцай с чайником и учебником.

Ху Янцай уже собирался уступить дорогу, но Сун Ицзэ, даже не глянув на него, протянул ему увесистый пакет:

— Передай Нин Си. Хотя... возможно, ему это больше не нужно.

Он сбежал из тренировочного лагеря, взял билет на ночной скоростной поезд — и всё только ради того, чтобы увидеть парня, по которому скучал столько дней.

А парень преподнес ему сюрприз.

Слишком грандиозный сюрприз.

Настолько, что сердце разрывалось от боли.

— А... Хорошо, — закивал Ху Янцай.

Проведя взглядом уходящую фигуру Сун Ицзэ, он заглянул в пакет.

Тот был доверху забит учебными пособиями и конспектами.

Нин Си внутри комнаты застыл, точно истукан.

Всё кончено. На этот раз — действительно всё.

Сун Ицзэ разгневан по-настоящему.

Ху Янцай вошел и запер дверь. Ощувив гнетущую атмосферу, он осторожно спросил:

— Нин Си, что произошло? Бог Цзэ ведь должен быть на сборах... Он что, специально приехал проведать тебя? Почему же он так быстро ушел?

Он протянул пакет Нин Си:

— Вот, он просил передать. Странно, почему сам не отдал?

Нин Си взял пакет и наугад вытащил одну из тетрадей. Почти на каждой странице ровным почерком были выведены аккуратные, до мелочей расписанные пояснения.

Откуда у Сун Ицзэ нашлось время?..

Сердце Нин Си сжала невыносимая боль.

Тот разрывался на олимпиадных сборах, валился с ног от усталости, но всё равно помчался к нему, да ещё и составил разборы его ошибок...

Какая же глупость! Какой кошмар!

— Что же мне делать... — Глаза Нин Си налились влагой, а голос сорвался на беспомощный хрип. — Я опять всё испортил... Голову бы мне оторвать, что теперь делать?..

Ху Янцай опешил:

— Эй, Нин Си, ты чего? Ты что, плачешь?!

— Ничего я не плачу! — Нин Си потер нос, с трудом сдерживая эмоциональный порыв. — Просто... Я так боюсь, Янцай. Я не должен был так поступать. Надо было сразу всё сказать, тогда ничего бы не случилось!

При одной мысли о Сун Ицзэ его охватывала паника:

— А вдруг... вдруг он бросит меня?!

— Да вы что, поссорились? — поспешил успокоить его Ху Янцай. — Как Бог Цзэ может тебя бросить? Он же без ума от тебя!

— Вот именно потому, что он без ума от меня! — всхлипнул Нин Си. — А я нагло дурачил его всё это время... Заслуживаю я вообще после этого его любви?

— Ну-ну-ну, не накручивай себя так! — Ху Янцай забеспокоился еще сильнее, видя, что у Нин Си вот-вот слезы потекут градом. — Если обманул — так признайся и всё объясни!

Нин Си сжал губы. Говорить он больше не мог — голос окончательно и предательски пропал.

— Ладно, всё, давай не будем об этом, — Ху Янцай бережно довел Нин Си до кровати. — Ложись спать. Утро вечера мудрее, завтра во всем разберешься, идет?

Нин Си, чьи мысли превратились в кашу, послушно позволил уложить себя и укрыть одеялом.

На следующее утро, когда часы показали шесть пятнадцать, Ху Янцай вернулся из умывальной комнаты и ахнул, увидав Нин Си, всё так же лежащего пластом:

— Святыни! Нин Си, вставай, на уроки опоздаем!

— Я никуда не пойду, — глухо отозвался Нин Си из-под одеяла. — У меня рушится личная жизнь.

— Да с чего ты взял, что она рушится? — вздохнул Ху Янцай. — И вообще, разве можно прогуливать учебу из-за любовных терзаний? Не превращайся в любовного фанатика!

Нин Си, чувствуя себя абсолютно несчастным, сполз с кровати и подошел к раковине. Ополоснув лицо ледяной водой, он немного пришел в себя.

Что же делать? Как поступить?

Ху Янцай, собирая рюкзак, заметил его застывшую фигуру и произнес:

— Знаешь, я всё-таки считаю, что самое главное — поговорить начистоту. Хватит бегать от проблемы. Соберись с духом и встретись с ним лицом к лицу.

Нин Си вздрогнул.

Собраться с духом...

Точно. Нельзя быть трусом.

Он вспомнил прошлые слова Сун Ицзэ: «Поласкайся ко мне, успокой...» Сейчас ему больше всего нужно именно это.

Пока Ху Янцай копошился в комнате, с балкона донесся грохот. В следующее мгновение Нин Си влетел в спальню и принялся с бешеной скоростью скидывать вещи в рюкзак.

— Нин Си, ты что удумал? — опешил Ху Янцай.

Нин Си уже полностью взял себя в руки. Застегнув молнию на сумке, он посмотрел на товарища твердым взглядом и чеканно выдохнул:

— Я еду к Сун Ицзэ.

<http://bllate.org/book/20373/2365690>